

УДК 008(437:476)(091)“18” + 001(437+476)(091)“18”

НАЧАЛО ЧЕШСКОГО НАУЧНОГО И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА К БЕЛОРУСАМ, БЕЛОРУССКОМУ ЯЗЫКУ И УСТНОМУ НАРОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

П. КАЛЕТА¹⁾

¹⁾Либерецкий технический университет, ул. Студентска, 1402/2, 46117, г. Либерец, Чехия

Рассматривается чешский исследовательский интерес к белорусской проблематике с первой трети XIX в. до начала XX в. Первым чешским деятелем, который включил в свои работы белорусскую тематику, можно считать Павла Йозефа Шафарика. Во второй половине XIX в. рост научного интереса к белорусским сюжетам зафиксирован в чешских научно-популярных периодических изданиях. Наибольшее внимание исследователи (И. Я. Гануш, К. Я. Эрбен, П. Саботка и Я. Махал) уделяли народной словесности (народным песням, мифологии, сказкам или пословицам). Главным источником знаний о белорусах для чешских специалистов были работы русских и польских авторов. В 1880-х гг. два чеха, движимые интересом к славянской проблематике и песенному фольклору, впервые посетили территории белорусских губерний. Одним из них был художник и собиратель музыкального фольклора Людвик Куба, другим – славист и исследователь славянского фольклора Адольф Черный, побывавший на белорусских землях дважды. В чешской исследовательской традиции именно он стал центральной фигурой, автором материалов о развитии национальных устремлений белорусов в начале XX в., опубликованных в чешских периодических изданиях (главным образом в журналах «Славянский обзор» («Slovanský přehled») и «Время» («Čas»)).

Ключевые слова: чехи; белорусы; отношения; публикации; белорусский язык; белорусский фольклор; Адольф Черный.

ПАЧАТАК ЧЭШСКАГА НАВУКОВАГА І ПУБЛІЦЫСТЫЧНАГА ІНТАРЭСУ ДА БЕЛАРУСАЎ, БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ І ВУСНАЙ НАРОДНАЙ ТВОРЧАСЦІ

П. КАЛЕТА^{1*}

^{1*}Ліберэцкі тэхнічны ўніверсітэт, вул. Студэнцка, 1402/2, 46117, г. Ліберэц, Чэхія

Разглядаецца чэшскі даследчыцкі інтарэс да беларускай праблематыкі ў перыяд з першай трэці XIX ст. да пачатку XX ст. Першым чэшскім дзеячам, які ўключыў у свае працы беларускую тэматыку, можна лічыць Паўла Ёзэфа Шафарыка. У другой палове XIX ст. рост навуковага інтарэсу да беларускіх сюжэтаў зафіксаваны ў чэшскай навукова-папулярнай перыядыцы. Найбольшую ўвагу чэшскія даследчыкі (І. Я. Гануш, К. Я. Эрбен, П. Саботка і Я. Махал) звярталі на народную славеснасць (народныя песні, мифалогію, казкі ці прымаўкі). Асноўнай крыніцай ведаў пра Беларусь для чэшскіх экспертаў былі творы рускіх і польскіх аўтараў. У 1880-я гг. два чэхі, апанаваныя інтарэсам да славянскай праблематыкі і песеннага фальклору, упершыню наведалі тэрыторыю беларускіх губерняў. Адным з іх быў мастак і збіральнік музычнага фальклору Людвік Куба, другім – славіст і даследчык славянскага фальклору Адольф Чэрны, які двойчы наведаў беларускія землі. У чэшскай даследчай традыцыі менавіта ён стаў цэнтральнай фігурай, аўтарам матэрыялаў

Образец цитирования:

Калета П. Начало чешского научного и публицистического интереса к белорусам, белорусскому языку и устному народному творчеству. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2023;4:89–102. EDN: HKGJEW

For citation:

Kaleta P. The beginning of Czech scientific and journalistic interest in Belarusians, the Belarusian language and oral folk art. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2023;4:89–102. Russian. EDN: HKGJEW

Автор:

Петр Калета – профессор истории; профессор кафедры философии факультета естественных, гуманитарных и педагогических наук.

Author:

Petr Kaleta, professor of history; professor at the department of philosophy, faculty of science, humanities and education.
petr.kaleta@tul.cz
<https://orcid.org/0000-0002-3292-9901>

аб развіцці нацыянальных імкненняў беларусаў на пачатку XX ст., апублікаваных на старонках чэшскіх перыядычных выданняў (перш за ўсе часопісаў «Славянскі агляд» («Slovanský přehled») і «Час» («Čas»)).

Ключавыя словы: чэхі; беларусы; адносіны; публікацыі; беларуская мова; беларускі фальклор; Адольф Чэрны.

THE BEGINNING OF CZECH SCIENTIFIC AND JOURNALISTIC INTEREST IN BELARUSIANS, THE BELARUSIAN LANGUAGE AND ORAL FOLK ART

P. KALETA^a

^aTechnical University of Liberec, 1402/2 Studentská Street, Liberec 46117, Czech Republic

The author of the study analyses Czech research interest in Belarusian issues, especially from the first third of the 19th century to the beginning of 20th century. Pavel Jozef Šafárik can be considered the first personality to include Belarusian themes in his work. In the second half of the 19th century, professional interest was already growing and Belarusian topics appeared in Czech popular science periodicals. Czech researchers (I. J. Hanuš, K. J. Erben, P. Sobotka and J. H. Máchal) showed interest mainly in oral folk literature (national songs, mythologies, fairy tales or proverbs). The basic source for Czech researchers were the works of Russian and Polish authors. In the 1880s, two Czechs, motivated by their interest in Slavic issues, went directly to the territory of Belarusian gubernias, where they collected Belarusian national songs. One of them was the painter and collector of musical folklore Ludvík Kuba, the other was Slavist and researcher with considerable interest in Slavic folklore Adolf Černý, who even visited the Belarusian territory twice. It was Adolf Černý who became the central figure in Bohemia who, with the development of the Belarusian national movement at the beginning of the 20th century, wrote in the pages of Czech periodicals (mainly journals «Slavic Review» («Slovanský přehled») and «Time» («Čas»)) about all the national efforts of Belarusians at that time.

Keywords: Czechs; Belarusians; relations; publications; Belarusian language; Belarusian folklore; Adolf Černý.

Введение

Территория белорусских земель, их население и его духовная культура едва ли были темами, которые находились в центре внимания у чешских национальных деятелей и интеллектуалов XIX в. Белорусы, находясь на границе восточнославянской (русской) и западнославянской (польской) традиций, не могли опереться на собственную исторически непрерывную государственность ввиду того, что их история с середины XVI в. была сплетена с польско-литовским государством, а после его распада – с царской Россией. Несмотря на это для европейских ученых XIX в. культурные, а позже и национальные устремления белорусов представляли некоторый исследовательский интерес. В чешской интеллектуальной среде также оказались авторы, которые смогли включить в свои работы и белорусскую проблематику (во многом благодаря контактам в русских научных кругах). Эта тенденция стала более заметной в период зрелости чешского национального движения, т. е. в последней трети XIX в. В этот период главными источниками знаний о белорусах служили современные работы русских и польских авторов.

На сегодняшний день в чешской историографии и славистике уже создан ряд научных работ, в которых представлена проблематика чешско-белорусских отношений в прошлом, при этом относитель-

но много внимания уделено рассмотрению темы белорусской эмиграции в межвоенной Чехословакии [1–3]. В первую очередь необходимо отметить обширное исследование Вацлава Жидлицкого [4], который первым обобщил интерес чехов к белорусской тематике в XIX в., а также аналогичные работы Итки Луптовцовой и Радки Кунцовой [5], публикации Мечислава Кргоуна о началах национального и литературного движения белорусов [6] или обзор Михала Плавца [7], в котором автор характеризует чешско-белорусские отношения на протяжении всей истории, однако не освещает научный интерес чешских авторов к белорусской проблематике. М. Плавец кратко очертил главную тенденцию чешских народных будителей (от чеш. *buditel* – сторонник возрождения) в интересующую нас эпоху следующим образом: «Чешские возрожденцы, которые в течении всего XIX в. посещали Россию, не замечали различий между русскими, белорусами и украинцами. Для них российская империя представлялась твердой скалой славянства против германской экспансии»¹ [7, s. 253]. Уже некоторые работы чешских ученых конца XIX в. показывают, что существовали авторы (в первую очередь Адольф Черный), которые обращали внимание на особенность белорусской духовной культуры и комплексно изучали ее, они также рассматривали белорусов

¹Здесь и далее перевод кандидата исторических наук, доцента Виталия Валерьевича Репина.

как отдельную восточнославянскую нацию. По этой причине с приведенным утверждением М. Плавца нельзя в полной мере согласиться.

Говоря об отдельных представителях чешского национального возрождения, проявивших интерес к белорусской проблематике, необходимо упомянуть Марцела Черного и его тщательно проработанные публикации о переводческих и литературоведческих активностях Адольфа Черного [8; 9]. О белорусских интересах Павла Йозефа Шафарика писал в одной из своих работ его биограф

Карел Паул [10]. Целями представленного исследования являются характеристика трех важных этапов развития чешского интереса к белорусскому языку, главным образом к устному народному творчеству, и более подробное рассмотрение роли Людвика Кубы и особенно Адольфа Черного в изучении белорусских народных песен, а также дополнение обнаруженными автором новыми фактами хронологии выхода чешских научных работ и проведения активностей, касающихся белорусской проблематики.

Появление интереса чехов к белорусским темам

Основатели чешской славистики и пионеры чешского национального возрождения конца XVIII в. имели весьма небольшие познания об особенностях белорусского языка и еще меньшие сведения о белорусской духовной культуре, потому что ее развитие произошло в более поздний период (у чешских славистов, как и у русских, интерес к лингвистическим аспектам белорусского языка возник позже). Однако возможно упомянуть двух значимых чешских будителей того времени, проявивших интерес к пражским переводам библейских книг Франциска Скорины: слависта, филолога и ориенталиста Вацлава Фортуната Дуриха и филолога и историка Йозефа Добровского, который считается основателем славистики как научной дисциплины. Оба они обращались к личности Ф. Скорины во взаимной корреспонденции и своих произведениях² [11, s. 26–41, 42–61].

Собственный интерес чехов к белорусским сюжетам появляется в 1820–1830-х гг. Первым представителем чешского научного сообщества, который включил в свои монографии белорусскую проблематику, касающуюся языка, литературы, народных песен, был славист, историк, этнограф и языковед П. Й. Шафарик³ (рис. 1). О белорусском наречии как об одном из трех главных вариантов русского языка он упомянул уже в работе «История славянских языков и литератур по всем наречиям» («Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten»), в которой кратко описал распространение белорусского языка в границах исторической Литвы. Здесь он сообщил, что это наречие стало формироваться после объединения Литвы и Польши, и потому оно содержит большое количество полонизмов [12, s. 93–94]. В данной работе ученый также упомянул и Ф. Скорину, однако как представителя русской (не белорусской) литературы [12, s. 103, 114]. В период подготовки

работы к изданию П. Й. Шафарик, будучи директором гимназии в сербском городе Нови-Сад, еще не имел достаточно тесных контактов с ведущими русскими славистами, занимающимися изучением белорусского языка.

P. J. Šafárik

Рис. 1. П. Й. Шафарик (1795–1861)

Fig. 1. P. J. Šafárik (1795–1861)

Когда же ученый переехал в Прагу, где продолжил заниматься научной работой, у него появилось больше возможностей для доступа к новой научной литературе и установления контактов с ведущими интеллектуалами того времени. Важным источником

² Например, в работах В. Ф. Дуриха «Трактат о славяно-чешском переводе Священного Писания» («De slavo-bohemica Sacri codicis dissertatio») или Й. Добровского «Приложение к путешествию (отчет о путешествии), организованному Чешским королевским обществом наук в 1792 г. в Швецию и Россию» («Anhang von einer auf Veranlassung der Böhm. Gesellschaft de Wissenschaften im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Rußland»), «Приложение из перевода Библии Скорины» («Anhang von der Skorinischen Bibel-Übersetzung»), «Книга “Плач Иеремии” в русском переводе Франциска Скорины» («Jeremiä Klaglieder von Franz Skarina ins Russische übersetzt»).

³ П. Й. Шафарик родился в Верхней Венгрии (нынешняя Словакия) в селе Кобелар (Фекетпатак, ныне Кобельярово) на территории гемерского комитата. С 1833 г. он занимался научной деятельностью в Чехии, став одной из важнейших фигур чешского национального возрождения.

получения информации о белорусском языке и его письменной традиции для П. Й. Шафарика стала книга «Сборник Муханова» (1836), изданная историком Петром Александровичем Мухановым. Интерес исследователя к данной работе выразился в положительной рецензии, опубликованной в издании «Журнал Чешского музея» («Časopis Českého muzea»). В работе он упомянул о собранном П. А. Мухановым литовском архиве (написанных на старобелорусском языке источниках, относящихся к периоду Великого княжества Литовского), который стал важным источником для дальнейших изысканий П. Й. Шафарика. В заключении рецензии ее автор написал: «Для пытливых исследователей славянского языка открыт здесь еще один источник подлинного наречия белорусского или литовского, отмеченного своим отличием от великорусского» [13, s. 129; 10, s. 11].

Уже как главный редактор самого значительного чешского научного периодического издания времен национального возрождения («Журнал Чешского музея»), П. Й. Шафарик опубликовал на его страницах библиографический обзор славянских народных песен. Белорусские песни в нем не занимают много места, они представлены между песнями, изданными Лукашом Голембиовским и Яном Чечотом. Наряду с ними П. Й. Шафарик привел белорусские песни из рукописных собраний Зориана Доленги-Ходаковского и Петра Васильевича Кириевского [14, s. 552].

В 1830-х гг. П. Й. Шафарик собирал материал для своей следующей работы «Славянское народописание» («Slovanský národopis») [15]. По вопросам наречий и диалектов русского языка он консультировался сначала с историком Михаилом Петровичем Погодиным, который потом помог ему установить контакт с Осипом Максимовичем Бодянским, специалистом в области восточнославянской диалектологии, от которого немало информации о великорусском, малорусском и белорусском языках П. Й. Шафарик получил в письме от 26 апреля 1836 г. [16, s. XLIII, 12–19]. Прямо накануне издания работы «Славянское народописание» в 1842 г. П. Й. Шафарик получил рецензию с многочисленными замечаниями О. М. Бодянского (письмо от 9 апреля 1842 г.), которые касались прежде всего малорусской и белорусской частей. Однако правки пришли слишком поздно и потому не были внесены в первое издание [16, s. XLVII, 52–59]. И все же информация о белорусском языке в этом труде была гораздо более подробной, чем в первой из названных монографий. В качестве источников выступали также книга «Сборник Муханова» и уже упомянутые работы о славянских народных песнях. Относительно детально П. Й. Шафарик обрисовал территорию распространения белорусского языка и привел главные его признаки. Он обозначил, что в вопросе вариантов языка часть филологов делит белорусский язык на чисто бело-

русский и литовско-русский. Здесь же ученый привел очерк белорусской письменной традиции, где упомянул сделанные Ф. Скориной переводы религиозных текстов. В приложение в качестве примеров славянских наречий он включил и три белорусские песни из изданного в 1840 г. в Париже сборника Александра Феликсовича Рыпинского «Белорусы. Немного слов о поэзии простого люда этой нашей польской провинции, о его музыке, песнях, танцах и т. д.».

К поколению П. Й. Шафарика относился и писатель, славист, лингвист и народный будитель Вацлав Ганка, который поддерживал достаточно хорошие контакты с русскими интеллектуалами. Он занимался изучением русского языка вместе с его наречиями, обсуждая их с русскими коллегами. Из переписки с тогда еще молодым Измаилом Ивановичем Срезневским понятно, как смотрели в 1840-х гг. многие русские языковеды на белорусский язык. В декабре 1843 г. в письме И. И. Срезневский сообщает: «Путешествуем вместе с Бодянским от самого Бреславля, расстались мы в Ковно: он ехал в Петроград, а я в Вильно, чтобы оттуда побывать в Беларуси. Не жалею, что там был. Из многого я наблюдал, что белорусское наречие отделяют от великорусского как южно- или малорусское, что смешно, так же как смешно отделять галичанина от наших малорусов. Белорусы во всем тоже великорусы. И по наречию принадлежат к [их] наречию. А то есть к великорусскому южному, в котором *дзеkanie* появляется на востоке. Так называемое белорусское письменное [наречие] есть по характеру скорее южнорусское. И с народным белорусским не имеет почти ничего общего»⁴.

К младшему поколению чешских будителей относится журналист, писатель и политик Карел Гавличек-Боровский, который был воодушевленным сторонником идеи Яна Коллара о славянской взаимности, однако несколько скорректировал свои взгляды во время полуторалетнего пребывания в России, куда осенью 1842 г. по рекомендации П. Й. Шафарика он отправился к московскому профессору М. П. Погодину, чтобы под его руководством лучше изучить историю и общество России. В итоге его консультантом стал другой профессор, Степан Петрович Шевырев. Среди большинства чешских возрожденцев все еще преобладали русофильские взгляды, однако в начале 1840-х гг. мало кто из них лично отправлялся в столь далекое путешествие в царскую Россию. Как внимательный наблюдатель и талантливый публицист, К. Гавличек-Боровский начал записывать во время своего путешествия очерки «Картины из России» («Obrazy z Rus»), которые опубликовал на страницах чешских журналов в 1843–1846 гг. после возвращения в Прагу. О белорусских землях и их населении он не писал детально, но в некоторых фрагментах части «Иноземцы в России» содержатся путевые заметки на эту тему [17, s. 95–132].

⁴Письмо И. И. Срезневского В. Ганке (Харьков 1/13 декабря 1843 г.) // Журн. Чеш. музея. 1843. № 3. С. 463–467.

В опубликованных записках автор, например, упоминал о значительной культурной и экономической отсталости областей, находящихся западнее Москвы, особенно подчеркнув это в отношении белорусского города Витебска [18, s. 88–89]. Вместе с тем, говоря о русской культуре на белорусских территориях, К. Гавличек-Боровский отметил: «С другой стороны, с запада, ширится опять иная, европейская культура дальше и дальше на восток, и Беларусь – это то место, в котором две эти культуры сходятся, собственно, куда ни одна из них еще не проникла должным образом» [18, s. 89]. К. Гавличек-Боровский не мог не обратить внимания на национальное напряжение между русскими и поляками в Западной Руси (на бывших польских территориях). Интерес представляет описание его опыта общения

с несколькими женщинами из Минской губернии, которые высказались о собственной национальной идентичности: «Народ во всех этих землях не польский, ибо наоборот имеет все причины польскую шляхту, а с ней и польскую народность ненавидеть из-за больших угнетений, которые от них вынужден был выносить; к русским же из-за их религии и одинакового имени национальные симпатии испытывают. Так мне говорили некоторые женщины, пришедшие аж из Минской губернии в паломничество в Москву: *Мы у нас такие же русские, только что не можем хорошо говорить*⁵ (речь белорусская очень отличается от великорусской). При всех этих обстоятельствах, кажется, победит во всех трех областях русский язык польский, но долго еще будет путаница» [18, s. 115].

Белорусы и белорусская народная словесность в чешских научных словарях, периодических изданиях и публикациях

Информацию о белорусском населении и его языке, о Белой Руси⁶ можно найти в чешских научных словарях второй половины XIX в. во многом благодаря слависту Йозефу Первольфу. О белорусах в ряде мест упоминается в первом большом чешском справочном издании Ф. Ригера «Научный словарь» (Riegrův «Slovník naučný»), вышедшем в 1860-х гг. Уже в первом его томе в 1860 г. славист и переводчик Йозеф Коларж подготовил небольшие статьи «Беларусь», «Белая Русь» [19, s. 597], которые написаны главным образом на основе данных Николая Михайловича Карамзина. Более проработанной в этом же томе была статья «Бела-руссы» («Bělo-rusové»)⁷, написанная языковедом и славистом словацкого происхождения Мартином Гатталой, который дал краткую характеристику белорусской литературе, упомянул о народных песнях и отдельно затронул белорусский язык в сравнении с чешским [19, s. 597–598]. Отношение ученого к белорусскому языку заметно с первого утверждения: «Белорусы в настоящее время вместе с малорусами являются товарищами великорусов в письм. языке и литературе» [19, s. 597].

Спустя восемь лет в рамках обширной статьи «Россия» Й. Первольф разработал в словаре раздел «Народ русский», в котором уделил внимание малорусам, белорусам и великорусам по отдельности. Автор очертил географическую территорию проживания белорусского населения и указал его количество (3,75–4 млн человек). Он отметил: «Белорусы составляют некоторый переход между малорусами и великорусами; среднего телосложения, худощавые, с заостренным носом, узкой грудью и длинной шеей, русыми или темными волосами, серыми и голубыми глазами; носят длинные волосы, бреют бороду или

носят усы» [20, s. 1106–1107]. В сравнении с великорусами и малорусами автор изображает их как менее развитых. Й. Первольф описал также жилье, одежду, рацион белорусов и обозначил их праславянское происхождение и идентификацию с территорией Литвы [20, s. 1106–1107]. В разделе «Душевная сторона народа русского, поэзия, поверья и т. д.» этой же статьи автор подчеркнул, что у белорусов нет собственного оригинального исторического эпоса. Все, что они имеют в данной области, является малорусским по происхождению [20, s. 1114]. Автор упомянутых энциклопедических статей Й. Первольф в 1868 г. написал и издал собственным тиражом произведение «Обзор истории народа русского» («Přehled historie národa ruského»), где де-факто опубликовал собственные тексты из книги Ф. Ригера «Научный словарь», повторив свои же сообщения о белорусах. Интересно, что сведения Й. Первольфа о белорусах в неизменном виде заимствовали многие чешские авторы вплоть до Первой мировой войны [21, s. 66; 22, s. 153].

Белорусы упоминаются и в самом большом чешском справочном издании «Научная энциклопедия Отто» («Ottův Slovník naučný»), в котором раздел «Белорусы» был представлен в рамках статьи «Россия (народописание)» (рис. 2). Однако и здесь за основу была взята статья Й. Первольфа из предыдущей энциклопедической серии, упорядоченная и дополненная новой информацией [23, s. 350–351]. В тексте упоминается, что название «белорусы», вероятно, связано с белым цветом их одежды (белая войлочная шапка для мужчин, белый платок для женщин). Интересным выглядит замечание, что среди белорусов встречается очень много случаев альбинизма, особенно в окрестностях Минска [23, s. 350]. В качестве

⁵Здесь и далее в цитатах курсив автора. – П. К.

⁶Термин «Белая Русь» применительно к территории современной Беларуси используют в своих работах чешские исследователи.

⁷В приведенных названиях сохраняются графические особенности оригинала.

причины материального и душевного обеднения значительной части белорусского населения автор приводит угнетение со стороны польской шляхты вместе с ростовщицеством и арендаторством евре-

ев [23, s. 351]. Краткую статью «Беларусь. Белая Русь» с характеристикой белорусов содержит и «Настольный словарь всеобщих знаний» («Příruční slovník všeobecných vědomostí») [24, s. 191].

Рис. 2. Белорусский народный костюм.
Источник: [23]

Fig. 2. Belarusian folk costume.
Source: [23]

В подавляющем большинстве случаев белорусская проблематика появлялась на страницах книг, журналов и газет, которые выходили в Праге, в меньшей мере она рассматривалась в региональных изданиях. В течении XIX в. чешская периодическая печать очень мало информировала читателей о национальных активностях белорусов и их самоопределении. В первом выпуске брненской газеты «Моравская орлица» («Moravská orlice») за 1863 г. среди политических новостей из Царства Польского сообщалось об адресе белорусов из местечка Лепель. Они отмечали, что их оскорбляют заявления поляков о том, что Беларусь и Малая Русь были Польшей, и их желание подчинить белорусов по причине собственного умственного превосходства. В заметке говорится: «Жители Лепеля, белорусы, не испытывают ненависти к польскому народу и с неохотой отвергают посягательства польской шляхты на русскую народность и землю и на отторжение нас от России. Мы знаем, что пережил наш русский народ, когда иезуитское духовенство насильно ему навязывало унию, знаем, что христианство к нам пришло из Киева, а не из Рима, и потому нам нечего ждать от Польши» [25, s. 3]. Краткое сообщение о белорусах можно найти в региональной печати, например, в кромержиском периодическом издании «Велеград» («Velehrad»), выходившем в 1890-х гг. В послесловии к статье, которая является пересказом

работы Антона Семеновича Будиловича «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Том II. Зарождение общего языка на славянском Востоке», представлен специфический взгляд автора на славянские языки. Он с некоторым пренебрежением выражает свое мнение о белорусском языке, который «искажен разными варваризмами не менее хорватского и лешского... То же видим и в киевских книгах, чей язык есть такой мерзкий и гнусный, что нельзя читать их без отвращения. Белорусы почитают лешские нравы, законы, язык. И поскольку лешская речь слишком испорчена всевозможными примесями, то неудивительно, что и белорусы, черпая из болотного источника, не могут нам дать чистого питья» [26, s. 2].

Чешские собиратели народных песен, пословиц и поговорок, направлявшие интерес на все территории проживания славян, уже со второй половины 1850-х гг. упоминают о белорусском народном творчестве. Среди этих собирателей был и Игнац Ян Гануш – философ, изучавший славянскую мифологию, который в 1857 г. опубликовал заметку «Белорусские пословицы и поговорки» («Běloruská přísloví a rořekadla»), в которой приведены примеры этих жанров фольклора (91), записанные на оригинальном языке и сопровождаемые переводом на чешский язык [27]. В работе «Мифологический календарь славянский или пережитки языческо-праздничных

обрядов славянских» («Bájeslovní kalendář slovanský čili pozůstatky pohansko-svátečných obřadů slovanských») в связи с праздниками весеннего цикла И. Я. Гануш упоминает образ бога Ярилы, который почитался и у белорусов [28, s. 93]. В свои научные труды белорусскую мифологию включил архивист, поэт и собиратель народной словесности Карел Яромир Эрбен, который был автором статей по мифологии в упомянутом издании Ф. Ригера «Научный словарь». В некоторых из них приведены представления белорусов о поверьях и демонологии⁸ [29]. В его работе «Вилы или судицы. Вклад в славянскую мифологию» («Vídy čili sudice. Příspěvek k slovanskému bájesloví»)⁹ приводятся белорусские народные песни из собрания И. П. Сахарова [30, s. 182]. Небольшие отсылки к Беларуси содержит также труд К. Я. Эрбена «Алфавитный словарь славянской мифологии» («Abecední slovník slovanského bájesloví») [31, s. 324, 331, 332, 349, 352, 357, 360, 363, 375, 379, 387, 388, 390, 392, 416, 423, 426]. В работу «Сто простонародных сказок и повестей славянских в оригинальных наречиях. Хрестоматия славянская с объяснением слов» («Sto prostonárodních pohádek a pověstí slovanských v nářečích původních. Čítanka slovanská s vysvětlením slov») он включил часть «Белорусы (Гродненской губернии)», в которой опубликовал на белорусском наречии (как писал К. Я. Эрбен) три сказки: «Мороз, солнце и ветер», «Катигорошек» и «Чудесные мальчики» [32, s. 129–135]. Упомянутые сказки были взяты К. Я. Эрбеном из собрания исследователя народного фольклора Александра Николаевича Афанасьева при посредничестве русского слависта Александра Федоровича Гильфердинга [5, s. 159]. В заключительные пояснения К. Я. Эрбен включил наравне со всеми остальными славянскими языками переводы белорусских выражений на чешский язык. Через четыре года на чешском языке была издана работа «Избранные мифы и народные повести иных ветвей славянских» («Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských»), в которую вновь вошли белорусские сказки «Катигорошек» и «Чудесные мальчики»¹⁰ [33, s. 131–136, 245–247].

Белорусские народные песни в собственном переводе в начале 1860-х гг. включил в свои работы журналист, переводчик и знаток славянской мифологии Примус Сobotка. Вначале это касалось его статьи «Примеры славянской символики» («Ukázky ze slovanské symboliky») [34, s. 243–244], затем он цитирует их в своем фундаментальном произведении «Растения и их значение в народных песнях, повестях, мифах, обрядах и поверьях славянских» («Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských»), а позже в статье

«Птицы в народном представлении славянском» («Ptactvo v národním podání slovanském») [35; 36, s. 414]. В периодике П. Сobotка отдельно опубликовал перевод белорусской народной песни «Не есть слезы как слезы» («Nejsou slzy jako slzy») [37, s. 178].

Чешский поэт, переводчик и собиратель народной словесности Франтишек Ладислав Челаковский (1799–1852) не включал белорусские песни или пословицы в свои самые значимые работы. Однако в его рукописном труде «Всеславянская хрестоматия» сохранились 14 белорусских народных песен и произведения «Janej Dzacjuk vic byv sjukavuj», которое является отрывком из анонимной поэмы «Энеида наизнанку» [4, s. 222–223]. В публикации «Чтение о началах истории образованности и литературы народов славянских» («Čtení o počátcích dějin vzdělanosti a literatury národů slovanských») Ф. Л. Челаковский отмечает, что белорусский язык относится к трем главным наречиям русского языка, при этом автор добавляет, что согласно существующим работам речь все же идет не о наречии, а скорее о варианте диалекта. Исходя из этого можно понять, почему он в своем труде не уделил белорусской фольклорной традиции отдельного внимания [38, s. 7]. Больше упоминаний о белорусской мифологии можно найти в работе слависта, историка литературы и специалиста по мифологии Яна Махала «Очерк славянской мифологии» («Nákres slovanského bájesloví»), основанной на трехтомном труде Александра Николаевича Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и произведении Ореста Федоровича Миллера «Опыт исторического обозрения русской словесности» [39]. Ссылки на белорусскую мифологию удалось найти и в издаваемом в 1879 г. чехами в Америке журнале «Славянин американский» («Slovan americký»), где в статье о моровой деде отмечено: «Белорусы рассказывают о моровой деде, которая принуждает человека, чтобы носил ее по деревьям, она машет при этом красным или пламенным платком на все четыре стороны, а в какую сторону махнет, там все гибнет»¹¹.

Также примеры белорусских народных песен есть в работах нескольких чешских переводчиков славянской поэзии 1870-х гг. Франтишек Вымазал, который в книге «Русская поэзия. Избранное из народного и художественного стихосложения русского в чешских переводах» («Ruská poezije. Výbor z národního a umělého básnictva ruského v českých překladech») издал собственные переводы четырех белорусских песен. Под подзаголовком «Разные песни» он также включил белорусские песни в раздел «Малорусская поэзия», подписавшись инициалами Ф. В. [40, s. 236–237].

⁸ Например, написанные К. Я. Эрбеном статьи «Бельбог» («Bělboh») [19, s. 85], «Ярило» («Jarilo»), «Ежибаба» («Ježibaba») [19, s. 110], «Могила» («Mohyla») [19, s. 121], «Перун» («Perun») [19, s. 128], «Погода» («Pogoda») [19, s. 131], «Русадла» («Rusadla») [19, s. 136], «Сobotки» («Sobotky») [19, s. 145], «Упырь» («Upír») [19, s. 153].

⁹ Erben K. J. Příspěvek k slovanskému bájesloví // Slovanský sborník. 1883. S. 1–14, 57–67, 109–120, 165–174.

¹⁰ В примечании к сказке ошибочно указано, что она происходит из Великокоросии.

¹¹ Morová panna // Slovan americký. 1879. 11. červen 1879. S. 4.

Переводчик Франтишек В. Ржиха для сборника «Букеты из народных песен славянских» («Kytice z národních písní slovanských») подготовил белорусскую песню «Пятрусь» («Petrus») [41, s. 79–82]. Примеры белорусских народных песен можно найти и у других чешских авторов того времени [8, s. 82].

В 1880-х гг. белорусские темы в чешской среде уже не были совсем неизвестными. Однако так нельзя сказать о возникающей новой белорусской национальной литературе. Ее упомянул публицист и писатель Эдвард Елинек в периодическом издании «Славянский сборник» («Slovanský sborník»),

который был основан им в 1881 г. Э. Елинек писал на темы из всех областей славянского мира. Как популяризатор чешско-польских сюжетов, он обратил внимание на первые шаги становления белорусской литературы в 1885 г., написав некролог одному из ее родоначальников, поэту и драматургу Винценту Дунину-Марцинкевичу [42, s. 276–277]. Это сообщение можно рассматривать как начало чешского интереса к возникающему белорусскому национальному движению. С развитием белорусской литературы интерес чешских авторов к нему только возрос.

Пик интереса к белорусской культуре

Ощутимые изменения в интересе к белорусской проблематике произошли после 1885 г. благодаря двум чешским популяризаторам славянской культуры, которые познакомились с белорусским фольклором прямо на месте его возникновения. Большая заслуга в расширении интереса к белорусским народным песням у славян в целом и у чехов в частности принадлежит фольклористу, музыковеду, художнику и публицисту Л. Кубе (рис. 3), который вписал свое имя в историю музыкальной фольклористики благодаря своему монументальному произведению «Славянство в своих песнях» («Slovanstvo ve svých zpěvech»), издаваемому в 1884–1928 гг. Значительную часть народных песен, распространенных на отдельных славянских территориях, он записал сам во время полевых экспедиций от местных исследователей и собирателей, которых специально посещал. Сбор восточнославянских песен он начал во второй половине 1850-х гг. Ученый совершал поездки на территорию Российской империи и габсбургской Галиции, где занимался поиском, как он сам описывал в своих работах, песен малорусских, великорусских и белорусских. При характеристике отдельных восточнославянских песенных областей для Л. Кубы региональный характер преобладал над этническим. С целью знакомства с белорусскими народными песнями летом 1886 г. во время экспедиции в Россию еще в Кракове он остановился у известного собирателя польских народных песен, этнографа, фольклориста и композитора Оскара Кольберга [43, s. 733–740], которого можно считать эталоном ученого для тогда еще молодого Л. Кубы. Для его работы О. Кольберг охотно предоставил собственные записи польских народных песен. Благодаря знакомству в 1885 г. в Турчанском-Свети-Мартине с молодым русским историком Алексеем Леонидовичем Петровым¹², занимающимся исследованием истории Угорской Руси, Л. Куба получил контакт этнографа Владимира Николаевича Добровольского, который изучал белорусскую этнографию (исследовал народную культуру Смоленской губернии). По его приглашению Л. Куба

приехал в деревню Даньково (Смоленская губерния), где В. Н. Добровольский жил с 1887 г., прибыв туда со станции Починок Орловско-Витебской железной дороги (интересно, что в первом издании своей статьи о белорусской народной песне Л. Куба не раскрыл конкретное место сбора материала и указал лишь, что речь идет о деревне Д. в Смоленской губернии) [44, s. 168]. Русский этнограф для начала предоставил Л. Кубе вводную информацию о белорусской народной музыке [45, s. 232].

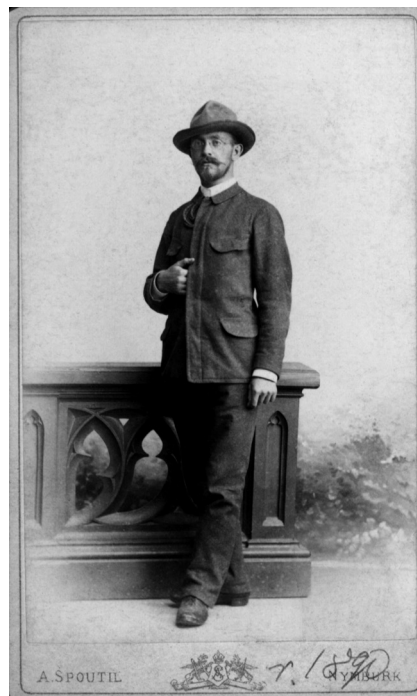

Рис. 3. Л. Куба (1863–1956) в 1890 г.

Fig. 3. L. Kuba (1863–1956) in 1890

Материал, который Л. Куба собрал в Белой Руси, он позже издал в исследовании «Белорусская народная песня. Рассуждения от музыкального путешествия» («Běloruská národní píseň. Úvahy z hudební cesty») [44, s. 24–29, 71–76, 131–138, 163–169]. Эту статью ученый позже еще два раза публиковал

¹² В 1922 г. А. Л. Петров эмигрировал в Чехословакию, где до конца жизни занимался историей Подкарпатской Руси.

с дополнениями и исправлениями [45; 46]. Во введении к первому изданию Л. Куба, как внимательный наблюдатель традиционной народной культуры, констатировал, что Белая Русь с этнографической точки зрения является особенно хорошо сохранившимся регионом. Соглашаясь со своим информантом В. Н. Добровольским, он отмечал, что Белая Русь относительно бедна с точки зрения инструментальной музыки, однако тем более богатыми и интересными являются ее песни. В деревне Даньково он записал 42 песни, 39 из которых опубликовал в своей статье, написанной латиницей на белорусском языке. О белорусских народных песнях Л. Куба порассуждал также в шестой книге серии «Славянство в своих песнях», которая была издана под заголовком «Песни русские» («Písně ruské») [47; 48]. Здесь были опубликованы 15 белорусских песен, 12 из которых основывались на его личных записях, еще 3 он взял у других авторов. Песни были представлены в переводе на чешский язык с синхронным белорусским кириллическим оригинальным текстом. Л. Куба рассматривал Белую Русь как наиболее пассивный в национальном плане регион из трех восточнославянских территорий. Причины такого явления он видел в меньшем количестве белорусского населения, слабой исторической традиции и отсутствии национального слоя помещиков и дворян [48, s. I]. То, что музыкальные записи белорусских песен до сих пор не были в совокупности изданы, весьма удивило Л. Кубу. Он прокомментировал: «А что Белая Русь отправила на русский литературный рынок из своих темных лесов и безмолвных нив? Говоря о музыкальных записях – ничего» [48, s. II]. Белорусскую песню ученый называл создающей образ страны, нетронутой современной эпохой [48, s. II]. Л. Куба был первым чехом, который издал сборник белорусских народных песен, большая часть которых была записана им самим во время экспедиций.

Еще большее внимание белорусской народной песне, а также белорусам, их традициям, культуре, литературе и политической деятельности уделит современник Л. Кубы, публицист, славист, поэт, переводчик и педагог А. Черный (рис. 4). Можно с уверенностью утверждать, что в его творчестве интерес к белорусским темам, главным образом к народным песням, достиг кульминации. Было бы вернее сказать, что А. Черный посвящал свои работы проблематике лужицких сербов, но в них исследуются и другие славянские народы, особенно поляки, украинцы, а также белорусы. Во время своих поездок в белорусские губернии Российской империи А. Черный жил у представителей польской интеллигенции, общался с ними, обсуждал местные проблемы и прежде всего изучал специфическую мультикультурную и мультиэтническую среду [49, s. 75, 78].

В 1889 г. исследователь совершил свое первое путешествие в Российскую империю, куда направился для знакомства с территорией бывшего поль-

ско-литовского государства, включая и белорусские земли. Он посетил Краков (тогда часть австрийской Галиции), Гродзиск (ныне Гродзиск-Мазовецкий), Варшаву и через Вильно продолжил путь до Санкт-Петербурга, откуда отправился в Прибалтику. Там он заехал в Дерпт (ныне Тарту), где имел возможность впервые встретиться с лингвистом Иваном Александровичем Бодуэном де Куртенэ, с которым переписывался еще с 1887 г. [50, s. 1–3] (о контактах А. Черного с И. А. Бодуэном де Куртенэ см.: [51, s. 227–269]). Этот знаменитый польский языковед и славист также занимался изучением языков малых народов, что объединяло их с А. Черным. К тому же он исследовал белорусские народные песни [52, s. 219–238; 53, s. 225–231], представлявшие тогда первоочередной интерес для А. Черного, который далее через Псков и ливонский Динабург (сейчас Даугавпилс) направился на западные территории Российской империи, где его целью стали деревня Кричево (ныне находится в Миорском районе Витебской области) и ее окрестные поселения [54, s. 185]. Это оставило в памяти чешского исследователя глубокие впечатления, о чем свидетельствует и его более поздняя серия заметок «Воспоминания из Литвы и Беларуси» («Vzpomínky z Litvy a Bělorusi»), где он также привел для чешского читателя и некоторые примеры собранных белорусских песен [55].

Рис. 4. А. Черный (1864–1952).

Источник: архив автора

Fig. 4. A. Černý (1864–1952).

Source: author's archive

В Кричево А. Черный добрался через железнодорожную станцию Балбиново. Яркие впечатления он сохранил от города Друя, где его поразили

церковные сооружения, и ученый смог более явно представить себе религиозную ситуацию в исследуемой области. Город, в котором он задержался, А. Черный посчитал еврейским по населению, что подтверждают и статистические данные того времени, согласно которым в Друе из 4440 жителей было 3065 евреев. Особенно А. Черного очаровали места, где он останавливался и проводил исследования, передвигаясь по территории Дисненского уезда Витебской губернии. Первую остановку, двор в Кричево с прилегающей местностью, ученый описал следующим образом: «Я оказался посреди лесов и лугов, небольших озер и болот, посреди безмолвного, спокойного края, чья тихая задумчивость очень меня впечатлила после возвращения из северного Парижа, из оживленного, шумного Петрограда. Простая, бедная деревенька заменила мне огромный город Петра на Неве. Задумчивая жизнь на литовском дворе пришла на место пестрой, многообразной жизни петроградской. Жизнь без значимых потрясений, такая милая, что не хотелось мне и думать о возвращении» [55, s. 550].

Не менее сильно его впечатлила и следующая остановка – шляхетская усадьба в деревне Каменполье. Там А. Черный имел возможность познакомиться с традиционной культурой белорусской деревни конца XIX в., прежде всего с белорусскими народными песнями, большое количество которых он записал от двух местных женщин и одного старика. Позже он так описал свое пребывание в Каменполье: «На охоту я там не ходил. Зато я сблизился с народом, с простыми жителями бедных, деревянных, покрытых соломой хаток, на которых даже труба не дымит, которые уже так черны от старины и так к земле пригнуты. Слушал я мягкую белорусскую речь и наслаждался простой красотой народных песен» [55, s. 558]. В собранных песнях его особенно привлекли тексты. Мелодия, по его мнению, являлась менее интересной, мотивы были обычно простыми и краткими, не превышающими объем квинты. Нехватка динамики в высоте тонов, неустанное повторение краткого мотива и частое удлинение некоторых тонов, по мнению А. Черного, делали белорусские песни монотонными и задумчивыми. Как славист, он внимательно вслушивался в разговоры и песнопения, пытаясь понять характер белорусского языка. Он уже имел представления о лингвистических оценках места этого языка в восточнославянской семье, данных передовыми славистами того времени. А. Черный признал, что белорусский язык отличается от русского (ученый называл его великорусским) значительно, а от украинского (малорусского) не так значительно. Основываясь на собственном опыте А. Черный так описывает белорусский язык: «Наблюдатель, которого более интересовал бы характер языка с точки зрения его благозвучия, чем его морфологии, которого привлекала бы чисто звуковая, музыкальная сторона

речи, сказал бы, что очарование белорусского языка заключается в соединении широты и полноты русского языка и мягкости польского» [55, s. 558].

При классификации песен в плане содержания А. Черный опирался на подход местных песенниц, разделявших их на свадебные, весенние и жатвенные (некоторые из них назывались житными, осенними и плясовыми). Наравне с упомянутыми типами песен ученый записал и некоторые песни, относящиеся к календарно-обрядовому циклу. В окрестностях Каменполья он также посетил местечко Мироры. Из этого уединенного уголка он вынес немало положительных впечатлений о местном населении, природе и песенном творчестве. Образ Белой Руси А. Черный позже сохранил в таком описании: «...бесконечные задумчивые леса, пастбища со стадами коней, просторы плохо возделанных полей, озера, пруды и болота, приветливые деревенские хаты, деревянные костелики и часовни, высокие кресты перед панскими усадьбами, создающие цельный образ спокойных линий, приглушенных цветов, широких расстояний, молчаливый, тихий, как будто погруженный в сон, никогда не исчезнут из моих мыслей» [55, s. 571].

Результаты своей экспедиции в Беларусь (август 1889 г.) А. Черный опубликовал в 1895 г. в статье «Песни белорусские из повета Дисненского» («Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego»), изданной антропологической комиссией Академии знаний в Кракове [56]. Во введении он назвал двух респонденток¹³, от которых записал тексты песен. Ими оказались Ефросинья Сульская из деревни Подлипки (Дисненский уезд) и Михалина Астукевич из деревни Каменполье того же уезда. Женщинам было около 40 лет. Имя мужчины в возрасте около 60 лет, от которого были также записаны песни, автор не упомянул. Всего А. Черный опубликовал 56 белорусских народных песен, которые разделил на четыре основные группы: 16 свадебных песен (pieśni weselne), 2 игровые песни (pieśni przy grach), 10 плясовых (tańce) и 28 песен, исполняемых по ходу календарного цикла (1 пасхальная песня (Wielkanoc), 4 весенние песни (pieśni wiosenne), 6 петровских песен (piotrowskie), 8 сенокосных и жатвенных песен (na senokosie i przy żęnciu żyta podczas żniwa), 2 толочные песни (talak), 5 осенних песен (jesienne) и 2 дожинки (dożynki)). Из 56 упомянутых песен еще 4 предоставил А. Черному уже после его возвращения на родину Ян Святополк-Мирский, в доме которого ученый гостил, он же дополнил еще 3 из собранных чешским фольклористом песен. А. Черный напечатал свои песни по образцу белорусско-польских песен, ранее опубликованных И. А. Бодуэном де Куртенэ в польском написании.

В начале 1890-х гг. белорусский фольклор и этнография были уже относительно хорошо известны в чешских научных кругах, поскольку в чешскую среду

¹³В процитированных воспоминаниях он называл только первую из них.

проникало все большее количество новейших публикаций русских и польских этнографов, историков и славистов. От внимания чешских исследователей не ускользнула обширная четырехтомная работа Александра Николаевича Пыпина «История русской этнографии». Филолог, славист и этнограф Йиржи Поливка подготовил на нее рецензию, в которой осветил также и историю белорусской этнографии [57, s. 377–379], ставшей одной из тем четвертого тома издания. На основании данной работы Й. Поливка считал белорусские земли пространством культурного и политического взаимодействия двух славянских народов, в связи с чем процитировал для чешского читателя такие слова А. Н. Пыпина: «Наша враждебная нетерпимость к Польше не может не отражаться и, более того, отражается пагубным образом на наших межславянских отношениях в целом» [57, s. 379].

В июле и августе 1897 г. А. Черный совершил длительное путешествие по всем трем частям разделенной Польши, в рамках которого вновь посетил занятые Россией территории бывшего польско-литовского государства. На Беларусь его опять привели интерес к собиранию народных песен, а также желание найти новые контакты, которые емугодились, когда в следующем году он основал журнал «Славянский обзор». Кроме того, А. Черный в это время являлся корреспондентом нескольких польских журналов [54, s. 166–167]. На обратном пути он посетил губернский центр Гродно, где хотел встретиться с известной польской писательницей Элизой Ожешко, в чьем творчестве была представлена тематика белорусских земель. Однако А. Черный приехал в Гродно вскоре после ее отъезда в Висбаден, так что стал лишь гостем у близких писательницы в ее доме. Он познакомился с городом, который был преимущественно еврейским по составу населения (37 тыс. человек), количество поляков, литовцев и белорусов оценил в 12 тыс. человек, а русских – в 5 тыс. человек [58, s. 1]. Как и в каждой своей поездке, в Гродно А. Черный замечал этнические особенности религиозной и языковой специфики его жителей, что засвидетельствовано в воспоминании о вечерней прогулке на лодке по Неману: «Рыбаки гродненские говорят в большинстве на смешанном польском, другие – на белорусском, литовском или русском. Мы наняли такого рыбака, чтоб провез нас по Неману, речь его была чем-то вроде белорусского польского» [58, s. 2].

А. Черный, для которого белорусская деревня и природа стали одним из самых любимых славянских ареалов, сохранил связь с друзьями из Белой Руси, от них он узнавал новости из жизни региона. Ученый был обрадован, когда в 1906 г. получил из Вильно первый номер (один экземпляр был напечатан латиницей, другой – кириллицей) новой белорусской газеты «Наша доля», которая была совсем скоро запрещена. Автор увидел в издании важный импульс для развития белорусского национально-го движения [59, s. 2; 60, s. 38]. А. Черный наблюдал

в статьях и рубриках газеты значительные изменения, которые произошли в белорусском обществе, отметив: «Посмотрим, как изменились запуганные, покорные и униженные белорусы! Сколько оппозиции не только в первом белорусском журнале – но и в реальности! Свежим, даже резким дыханием веет от строчек белорусского листа, который просматриваю с растущим интересом и радостью, ибо они [строки] – признак жизни» [61, s. 2]. Хотя газета «Наша доля» была запрещена, еще перед конфискацией тиража ее второго номера стала выходить газета «Наша нива», за содержанием которой А. Черный с интересом следил. Заинтересовала его, например, фигура молодого поэта Янки Купалы, чьи патриотические стихи он опубликовал в собственном переводе в одной из своих заметок [62, I, s. 2–3]. Ученый отметил, что белорусское движение привлекло заметное внимание русских, разделив их по этому вопросу на два течения. Группа прогрессивных деятелей смотрела на него как на факт, который нельзя отрицать или остановить. Иное мнение, как пишет А. Черный, было у «истинных русских», заявляющих, что всеобщее школьное образование не является необходимым, как и не нужно вводить белорусский язык в школьное обучение. Он привел аргумент этого крыла интеллигенции о том, что белорусское движение искусственно инициировано поляками. В подтверждение чему А. Черный процитировал слова из газеты «Наша нива»: «Истинные поляки борются против белорусов, утверждая, что белорусский язык вредит их польской идее (на Беларуси), а истинные русские восклицают без конца, что белорусы не отреклись от своей родной речи, потому очевидно, что поляки их подкупили!» [62, s. 2]. А. Черный поддерживал контакты с представителями белорусского национального движения, и один из его лидеров, Антон Иванович Луцкевич, бывший позднее главой правительства Белорусской народной республики, в 1909 г. даже опубликовал в журнале «Славянский обзор» под псевдонимом Ант[он] Новина собственную заметку о национальных активностях белорусов [63, s. 159–163].

Наиболее пристальное внимание А. Черный уделял растущему белорусскому национальному движению в предвоенный период в 1911 г., когда вышло несколько его статей в журналах «Славянский обзор» и «Время». Главным источником новостей для него оставался единственный белорусский еженедельник «Наша нива», печатавшийся латиницей для католиков и кириллицей для православных, на страницах которого наблюдался растущий отклик на национальное самосознание белорусов. А. Черный отметил изменение при использовании в газете латиницы, когда после пражского съезда прогрессивного студенчества издание начало переходить от польской графической системы письма к чешской (изначальное *cz* заменилось на *č*, а *sz* – на *š*). Указывал ученый и на то, что белорусское движение уже

не ограничивалось вопросами языка и литературы, а приобретало общественно-политический характер. Полезной для белорусов в газете «Наша нива» А. Черный считал рубрику о белорусско-украинской взаимности (ввиду схожего положения двух славянских этносов в Российской империи). Как и ранее, он подробно разбирал отношение различных российских и польских кругов к белорусскому вопросу. Учительскую деятельность А. Черный рассматривал как один из принципиальных элементов молодого белорусского движения. Также он не оставлял в стороне религиозный вопрос. Наряду с негативным отношением православного духовенства к инициативам белорусских возрожденцев он отмечал, что белорусское национальное самосознание начало особенно распространяться в среде младшего поколения католических священников, и даже отдельные их представители стали проповедовать на белорусском языке. В качестве самого слабого места развивающихся национальных устремлений белорусов А. Черный называл нехватку национальной интеллигенции, но положительно оценивал активное участие студенчества и молодежи в национальном движении. В области художественного слова он особо отмечал поэзию молодых авторов во главе с Янкой Купалой, творчеству которого уделял много внимания, упоминал об изданных научных работах, поддерживал создание народных библиотек и читален, интересовался становлением белорусского театра и зарождением литературной критики [64; 65; 66, s. 136–137; 67]. А. Черный внимательно следил за появлением работ русских и польских авторов по белорусскому вопросу. Его заинтересовала, например, публикация Леона Василевского «Литва и Беларусь» («Litwa i Białoruś»), в которой автор скептически относился к будущему белорусского национального движения и не верил в то, что белорусы станут нацией, как литовцы. И хотя Л. Василевский был поляком, А. Черного удивило, что тот поддерживал сознательное распространение польской культуры, т. е. полонизацию, среди непольского населения Литвы и Беларуси [68, s. 479–480]. А. Черный продолжал следить и за политическими новостями. Например, в 1913 г. он сообщал о белорусских рабочих из Копыля (Минская губерния), которые обратились к социально-демократической фракции и группе трудовиков, чтобы те заступились за белорусов и обозначили их

право на национальную жизнь, ходатайствуя в думе о равноправии белорусского языка, прекращении политики русификации. К требованиям рабочих также относилось и учреждение в Вильно или другом белорусском городе русского университета [69, s. 131].

А. Черный был чрезвычайно увлечен развитием белорусского движения, языка и культуры в целом, вместе с тем в памяти ученый сохранял навсегда запечатленные воспоминания о романтическом времени, когда он, молодой исследователь, собирал в белорусских деревнях народные песни. В 1906 г. он вспоминал: «Люблю Беларусь, остались у меня милые впечатления о ней. Был там два раза по несколько недель. Светловолосый селянин Нарушевич с бритыми щеками и русскими усами вез меня от станции Балбиново через еврейскую Друю в Кричево и Каменполье, там собирал я белорусские народные песни, записывал их на поле во время выщипывания льна и в домах, куда приглашали местных певиц и певцов. Видел я народ белорусский, собравшийся в миорском деревянном костельчике, который не мог вместить в себя все множество набожных белорусов так, что и все кладбище белело их бело-седыми сермягами. Узнал я тот милый, тихий, даже чересчур тихий, покорный и униженный народ (вспоминаю, как я стыдился, когда Нарушевич за чаевые внезапно мне поцеловал обе руки). И полюбил я этот народ» [59, s. 2].

События Первой мировой войны радикально повлияли как на чешский (чехословацкий), так и на белорусский вопросы. Новая Чехословацкая республика появилась на карте послевоенной Европы, Белорусская народная республика просуществовала всего несколько месяцев, а ее представители оказались в эмиграции. Важным центром белорусской эмиграции стала именно Чехословакия. После возобновления выпуска журнала «Славянский обзор» в 1920-е гг. А. Черный на его страницах и дальше информировал читателей о белорусской проблематике, особенно о белорусах в Польше, а также освещал их жизнь и в Советском союзе. Корреспондентами журнала тогда стали и некоторые представители белорусской эмиграции в Праге. Немалое внимание А. Черный уделял переводу стихотворных произведений Янки Купалы и других белорусских авторов [8, s. 97–105]. Благодаря этому 1920-х гг. стали эпохой, когда беларусистика была прочно укоренена в среде чешской культуры и науки.

Заключение

Очевидно, что главные чешские интеллектуалы XIX в. уже в 1820–40-х гг. имели представление о белорусском языке, который, как правило, наравне с великорусским и малорусским, считали диалектом русского языка, а также знали о белорусских народных песнях столько, сколько и о самих белорусах. Нельзя, однако, согласиться с утверждением М. Кргона, что среди чешских писателей XIX в. преобладало представление о белорусах как о самостоятельной

нации: «Для наших писателей было характерно, что они смотрели на белорусов без оглядки на тогдашние взгляды поляков и на официальную позицию носителей государственной власти в царской России как на самостоятельный народ с особой письменной речью и собственной культурой» [6, s. 49]. Такое представление стало утверждаться в чешской среде гораздо позже, а именно в 1880-х гг. К первым сторонникам такой идеи можно отнести полонофила Э. Елинка.

Совсем другую точку зрения в истории чешского интереса к белорусским темам представил славист А. Черный, которого можно считать основателем чешской беларусистики. Сначала он был, как и некоторые его предшественники, очарован фольклорной традицией белорусов, и с развитием белорусского национального движения в начале XX в. его интерес к белорусскому вопросу и его поддержка возросли. Белорусов он рассматривал как самобытную нацию, знакомил чешского читателя с именами представителей белорусской литературы и их произведениями, которые он с большой радостью переводил на чешский язык. Однако это едва ли означает, что вся чешская общественность

с этого времени считала белорусов отдельной нацией. Примером тому может служить ведущий европейский интеллектуал и первый президент Чехословакии Томаш Гарриг Масарик, который смотрел на белорусов как на одну из ветвей русского народа [70, s. 17–22]. После Первой мировой войны чешское научное сообщество уже рассматривало белорусскую литературу как самостоятельную и целостную, находящуюся в одном ряду с русской и украинской литературами, о чем свидетельствует, например, труд Я. Махала «Славянские литературы» («Slovanské literatury»), где содержится глава «О белорусских устремлениях к независимости» [71, s. 301–316].

Библиографические ссылки / References

1. Kolenovská D, Plavec M. *Běloruská emigrace v meziválečném Československu. Studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt*. Praha: Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum; 2017, 287 s.
2. Hlaváček P, Kotau P. *Bělorusko mimo Bělorusko. Běloruští intelektuálové v meziválečném Československu*. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta; 2016, 144 s.
3. Kolenovská D. Běloruská emigrace v Československu (1918–1938). *Soudobé dějiny*. 2007;14(1):78–105, 243–244.
4. Židlický V. Příspěvek k dějinám česko-běloruské vzájemnosti. *Slavia, časopis pro slovanskou filologii*. 1960;2:212–234.
5. Luptovcová J, Kuncová R. Běloruská kultura a literatura 19. a začátku 20. století v českých zemích. V: Kšicová D a kol., redaktoři. *Východoslovenské literatury v českém prostředí do vzniku ČSR*. Brno: Masarykova univerzita; 1997. s. 155–172.
6. Krhoun M. Počátky běloruského národního a literárního hnutí v prvním desetiletí 20. století. *Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity, řada D (řada literárněvědná)*. 1964;11:49–58.
7. Plavec M. Česko-běloruské vztahy od dob nejstarších až po současnost. V: Marková M, Sahanovič H, Šybieka Z. *Dějiny Běloruska*. Praha: NLN; 2021. s. 240–259.
8. Černý M. Adolf Černý jako první český překladatel novodobé běloruské literatury. *Slavia, časopis pro slovanskou filologii*. 2013;1–2:69–111.
9. Černý M. Adolf Černý and the Belarusian literature. *Białorutenistyka Biłostocka*. 2014;6:51–68. Russian. DOI: 10.15290/bb.2014.06.04.
10. Paul K. P. J. Šafařík – Rusíni a Bělorusové. V: *Dvanáctá výroční zpráva české st. reálky v Praze VI za školní rok 1930–1931*. [Praha]: Česká státní reálka v Praze VI; [1931]. s. 3–12.
11. Sokolová F, redaktor. *Francisko Skoryna v díle českých slavistů. Sborník k 500. jubileu narození významného běloruského humanisty. 1490–1990. Výběr z prací českých a slovenských slavistů a málo dostupných textů souvisejících s tímto tématem*. Praha: Národní knihovna v Praze, Slovanská knihovna; 1992. 257 s.
12. Šafařík PJ. *Dejiny slovanského jazyka a literatury všech nářečí*. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo; 1992. 416 s.
13. Šafařík PJ. Sborník Muchanova. Moskva 1836, 4. IX, 262 – XXX, 14 str. *Časopis Českého museum*. 1837;1:127–129.
14. Šafařík PJ. Bibliografický přehled sbírek slovanských národních písní. *Časopis Českého museum*. 1838;4:545–561.
15. Šafařík PJ. *Slovanský národopis*. Košice: Vydavateľstvo Oriens Košice pre Univerzitu Pavla Jozefa Šafaříka v Košiciach; 1995. 225 s. + 1 mapa [porvé vydáno roku 1842].
16. Francev VA. *Korespondence Pavla Josefa Šafaříka. I. Vzájemné dopisy P. J. Šafaříka s ruskými učiteli (1825–1861). Část I*. Praha: Česká akademie věd a umění; 1927. 480 s.
17. Havlíček Borovský K. Cizozemci v Rusích. *Časopis Českého museum*. 1846;1:95–132.
18. Havlíček Borovský K. *Obrazy z Rus. Epigramy a aforismy. Satiry. Kritiky a polemiky. Politické písně. Brixenské skladby. Smíšené básně. Korespondence*. Praha: Československý spisovatel; 1986. 609 s.
19. Rieger FL, redaktor. *Slovník naučný. Díl I, A – Bžeduchové*. Praha: Nákladem knihkupectví I. L. Kober; 1860. 1028 s.
20. Rieger FL, redaktor. *Slovník naučný. Díl VII, R – Ržew*. Praha: I. L. Kober; 1868. 1220 s.
21. Mašek JL. *Evropské Rusko. Země, děje a přírodopis. Pro školu a dům*. Praha: Mikuláš a Knapp v Karlíně; 1871. 106 s.
22. Vlach J. *Národové evropští*. Praha: J. Otto; 1908. 202 s.
23. *Ottův Slovník naučný. Ilustrovaná encyklopedie obecných vědomostí. Díl XXII, Rozkošný – Schloppe*. Praha: J. Otto; 1904. 1002 s.
24. Rank J, redaktor. *Příruční slovník všeobecných vědomostí. Díl I, A–J*. Praha: F. Kytka; 1882. 968 s.
25. *Království polské. Moravská orlice*. 1863;179:2–3.
26. O všeslovanském jazyku. Z druhého svazku Antona S. Budiloviče «Všeslovanský jazyk». *Velehrad. Orgán strany slovanské na Moravě*. 1892;17:1–2.
27. Hanuš JJ. Běloruská přísloví a pořekadla. *Koleda. Kalendář na rok obyčejný*. [1859];1858:86–88.
28. Hanuš JJ. *Bájeslovní kalendář slovanský čili pozůstatky pohansko-svátečných obřadův slovanských*. Praha: Kober & Margraf; 1860. 264 s.
29. Erben KJ. *Slovanské bájesloví*. Bechyňová V, Černý M, Kaleta P, redaktoři. Praha: Etnologický ústav AV ČR; 2009. Bájeslovná hesla z Riegrova Slovníku naučného; s. 81–170.
30. Erben KJ. *Slovanské bájesloví*. Bechyňová V, Černý M, Kaleta P, redaktoři. Praha: Etnologický ústav AV ČR; 2009. Vídy čili sudice. Příspěvek k slovanskému bájesloví; s. 173–224 [porvé vydáno roku 1883].
31. Erben KJ. *Slovanské bájesloví*. Bechyňová V, Černý M, Kaleta P, redaktoři. Praha: Etnologický ústav AV ČR; 2009. Abecední slovník slovanského bájesloví; s. 315–452.

32. Erben KJ. *Sto prstonárodních pohádek a pověstí slovanských v nářečích původních. Čítanka slovanská s vysvětlením slov*. Praha: I. L. Kober; 1865. 386 s.
33. Erben KJ. *Vybrané báje a pověsti národní jiných větví slovanských*. Praha: Spolek pro vydávání laciných knih českých; 1869. 258 s.
34. Sobotka P. Ukázky ze slovanské symboliky. *Květy*. 1871;27:211–212, 214; continuation 31:243–244.
35. Sobotka P. *Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských*. Praha: Nákladem Matice české; 1879. 344 s.
36. Sobotka P. Ptactvo v národním podání slovanském. *Světozor*. 1880;35:414.
37. [Sobotka P]. Nejsou slzy jako slzy. *Světozor*. 1884;15:178.
38. Čelakovský FL. *Čtení o počátcích dějin vzdělanosti a literatury národův slovanských*. Praha: Komisi u Františka Řivnáče; 1877. 230 s.
39. Máchal [J]H. *Nákres slovanského bájesloví*. Praha: F. Šimáček; 1891. 221 s.
40. Vymazal F. *Ruská poezije. Výbor z národního a umělého básnictva ruského v českých překladech*. Brno: Matice moravská; 1874. 256 s.
41. Dunovský J, Hrubý J, Jireček JK, Pokorný R, Ritschel A, sebrali. *Kytice z národních písní slovanských*. Praha: Fr. A. Urbánek; 1874. 199 s.
42. Jelínek E. V. Dunin Marcinkěvič. *Slovanský sborník*. 1885;5:276–277.
43. Kuba L. Oskar Kolberg, národopisec polský. *Osvěta*. 1888;8:733–740.
44. Kuba L. Běloruská národní píseň. Úvahy z hudební cesty. *Slovanský sborník*. 1887;1:24–29; continuation 2:71–76; 3:131–138; 4:163–169.
45. Kuba L. *Cesty za slovanskou písní 1885–1929. S hudebními příklady a vlastními kresbami. 2. vydání*. Praha: Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění; 1953. Běloruská píseň; s. 232–268.
46. Kuba L. *Cesty za slovanskou písní 1885–1929. S hudebními příklady a vlastními kresbami. Svazek první. Slovanský západ a východ*. Praha: Slovanský ústav; 1933. Běloruská píseň; s. 231–266.
47. Kuba L. *Slovanstvo ve svých zpěvech. Sborník národních a znárodnělých (významných) písní všech slovanských národů. Kniha VI, Písně ruské*. Pardubice: L. Kuba; 1885–1888. III: Písně běloruské; s. 385–402.
48. Kuba L. *Slovanstvo ve svých zpěvech. Sborník písní všech národů slovanských s původními texty a českými překlady. Písně ruské, I. Maloruské, II. Běloruské, III. 2. vydání*; Praha: Hudební Matice umělecke Besedy; 1922. II: Písně běloruské. s. 385–402.
49. Černý A. Při čtení "Dziadův". *Světozor*. 1890;7:75, 78.
50. Černý A. Za J. Baudouinem de Courtenay. 13.III.1845 – 3.XI.1929. Praha: Nákladem vlastním; 1929. 19 s.
51. Ďurčanský M, Skrzyński T. Dodatek k edicím listů Baudouina de Courtenay Adolfovi Černému. V: Ďurčanský M, redaktor. *Slovanství a věda v 19. století. Práce z Archivu Akademie věd. Řada A, sv. 8*. Praha: Archiv AV ČR; 2005. s. 227–269.
52. Baudouin de Courtenay J. Pieśni białorusko-polskie z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej. *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej wydawany staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie*. 1892;16:219–238.
53. Baudouin de Courtenay J. Dodatek do pieśni białorusko-polskich z powiatu Sokólskiego gubernii Grodzieńskiej. *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej wydawany staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie*. 1895;18:225–231.
54. Kaleta P. Češi o Lužických Srbech. *Český vědecký, publicistický a umělecký zájem o Lužické Srby v 19. století a sorabistické dílo Adolfa Černého*. Praha: Masarykův ústav, Archiv AV ČR; 2006. 333 s.
55. Černý A. Vzpomínky z Litvy a Bělorusi. *Světozor*. 1894;45:534–535; continuation 46:550, 552; 47:558; 48:570–571.
56. Černý A. Pieśni białoruskie z powiatu Dziśnieńskiego. *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej wydawany staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie*. 1895;18:192–224.
57. Polívka J. [History of Russian ethnography by A. N. Pypin. St. Petersburg 1890–1892. Sv. I–IV]. *Časopis Musea Království českého*. 1892;2–3:367–380. Russian.
58. Černý A. Grodno. *Národní listy. Odpolední vydání*. 1897;314:1–2.
59. Černý A. Ze slovanského světa (Běloruský časopis). *Čas*. 1906;327:2.
60. Černý A. Feuilleton. [Naša dola]. *Zlatá Praha*. 1906–1907;3:38.
61. Černý A. Ze slovanského světa. *Čas*. 1906;328:2.
62. Černý A. Z Bělorusi. I–II. *Čas*. 1909;6:2–3; continuation 20:2–3.
63. Novina A [Anton Ivanovič Luckevič]. *Národní probuzení Bělorusů. Slovanský přehled*. 1909;11:159–165.
64. Černý A. Běloruské snahy národní a literární v l. 1909–10. *Slovanský přehled*. 1911;13:217–223, 401–416.
65. Černý A. Běloruské snahy národní a literární v letech 1909–10. *Čas*. 1911;203:2–3; continuation 204:2–3; 205:2–3.
66. Č[erný] A. Bělorusové. *Slovanský přehled*. 1911;13:136–137.
67. Černý A. Běloruské snahy národní a literární. I–II. *Čas*. 1911;48:2–3; continuation 49:2–3.
68. Č[erný] A. Leon Wasilewski, Litwa i Białoruś. Przeszłość, terażniejszość, tendencje rozwojowe. Kraków (spółka nakładowa «Książka»). Str XIX. a 361. *Slovanský přehled*. 1912;14:479–480.
69. Č[erný] A. Bělorusové. *Slovanský přehled*. 1913;16:131.
70. Kaleta P. Masaryk and his views on the Belarusian issue after World War I. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:17–22. Russian.

Статья поступила в редколлегию 25.03.2023.
Received by editorial board 25.03.2023.